

SLAVICA HELSINGIENSIA

36

Ben Hellman

ВСТРЕЧИ И СТОЛКНОВЕНИЯ

Статьи по русской литературе

MEETINGS AND CLASHES

Articles on Russian Literature

Helsinki 2009

Когда время славянофильствовало. Русские философы и Первая мировая война

В июне 1915 года в Москве вышла небольшая книга с вызывающим названием «Время славянофильствует». Автором являлся В. Н. Эрн, один из самых видных русских философов своего времени. Главный тезис книги состоял в том, что события, связанные с войной, подтверждали основные славянофильские идеи. То, что для славянофилов XIX века было только плодом размышлений, теперь, независимо от современных мыслителей, воплощалось в конкретные формы. Мир находился на пути к «славянофильскому эону нашей истории», — утверждал Эрн (1915а:6).

Книга Эрна появилась не случайно. Религиозное возрождение в культурной жизни России начала века вызывало все возрастающий интерес и к идеям славянофилов. В это время были изданы не только собрания сочинений И. В. Киреевского и А. С. Хомякова, но и научные исследования, посвященные славянофильству.¹ Таким образом, можно предположить, что к 1914 году сложились достаточно прочные теоретические знания славянофильства, готовые для применения в новых исторических контекстах.

Ничего неожиданного нет в том, что катализатором стала именно мировая война. Таким же образом Крымская война в свое время была воспринята как наглядное подтверждение тезиса о глубоком конфликте между Востоком и Западом. Для А. С. Хомякова, И. С. Аксакова и Ф. И. Тютчева это была священная война, из которой должна была возродиться обновленная Россия (Riasanovsky 1952:182, Устрялов 1916:19). Даже К. С. Аксаков был тогда охвачен патриотическим угаром (Walicki 1975:282). Хотя превосходство России согласно славянофильской концепции было основано на моральной, а не физической силе, на практике война была воспринята как эффективный способ ускорения развития к грядущему историческому катаклизму (Walicki 1975:187-188).

Так как Крымская война не могла решить фундаментальные исторические конфликты, взгляды славянофилов были устремлены вперед. Согласно И. С. Аксакову, решающая война между Востоком и Западом должна была разразиться рано или поздно (Riasanovsky 1952: 182). Предчувствие того, что приближается поворотный момент истории, усилилось в начале XX века. Когда Бердяев незадолго до войны определил разницу между традиционным славянофильством и новым чувством жизни, он подчеркнул именно этот аспект: «Нами проблема Востока и Запада переживается апокалиптически, для нас она связана с эсхатологическими предчувствиями и надеждами» (1912: 28).

В Московском Религиозно-Философском Обществе имени В. С. Соловьева, центре возрождения славянофильства, Эрн не являлся бесспорным авторитетом. Но несмотря на то, что не все были готовы полностью воспринять его толкование смысла и следствий войны, славянофильское

течение, особенно в первый год войны, было таким распространенным среди русских идеалистических философов, что термин «неославянофильство» тут вполне применим.²

Теорию славянофильства нельзя было применять догматически, но оказалось, что ее можно было легко приспособлять к изменившейся действительности без нарушения основной структуры. Неославянофилами среди русских философов являлись прежде всего В. Ф. Эрн, В. В. Розанов, В. И. Иванов и С. Н. Булгаков.³ Кроме них, под сильным влиянием славянофильства находились Н. С. Бердяев и в некоторой степени и С. Я. Франк и М. О. Гершензон.⁴

Неославянофильским празднеством был вечер в Политехническом музее Москвы 6 октября 1914 г., устроенный Религиозно-Философским Обществом. Перед большой аудиторией выступали Булгаков («Русские Думы»), Эрн («От Канта к Круппу»), Иванов («Вселенское дело»), Г. А. Рачинский («Братство и свобода») и князь Е. Н. Трубецкой («Война и мировая задача России»)⁵. Общей мыслью докладов было то, что война явила собой не столкновение государств, а борьбу национальностей и культур. На долю России выпала особенно важная миссия в войне — защита свободы и независимости других национальностей. Кроме того, она сама должна была через войну возродиться к новой жизни. (РВ 1914.)

В своем докладе Иванов назвал войну «священными днями» для человечества (1914:97). Месяц спустя он подтвердил это положение: «Я думаю, что эта война по своему существу является священной и освободительной, и считаю ее великим благом» (ИМ 1914). Эта была исходная точка для всех неославянофилов. Они приняли мировую войну как нечто неизбежное и в конце концов даже желательное.⁶ Она не была результатом воли отдельных людей или следствием дипломатических неудач, ее корни находились глубоко в истории современной цивилизации. Нельзя было страшиться зверств и насилий, рожденных войной. Зло существовало до войны, и для выздоровления мир нуждался в выявлении болезни. (Бердяев 1914а, 1914ж, Булгаков 1915а:26.) Следовательно, война была не только трагедией, но и необходимым чистилищем для человечества: «И война имеет смысл, она карает, губит и очищает в огне, возрождает дух дряблый и расслабленный» (Бердяев 1914а).

Один из основополагающих тезисов славянофилов сводился к тому, что ход истории и общественной жизни наций решает религия (Riasanovsky 1952:26). Неославянофилы подтвердили этот тезис. Причины мировой войны искали не в политических или экономических противоречиях, а именно в духовной основе воюющих наций. Война была великим духовным борением, борьбой идеалов и принципов. (Эрн 1915в:7, Бердяев 1914а, 1915б:25-26, Франк 1915б:17.)

Корнем зла была секуляризация (Розанов 1916а:56, Булгаков 1915б). Эпоха Возрождения привела к разрыву с христианством и внесла антире-

лигиозную направленность в богословие, философию, естественные и общественные науки (Эрн 1915а:31). В список людей, участвовавших в этом «богоубийстве», входили, в частности, Лютер, Кальвин, Бёме, Декарт, Гоббс, Спиноза, Юм, Вольтер, Руссо, энциклопедисты, Кант, Фихте, Гегель, Бентам, Тэн, Штирнер, Фейербах, Штраус, Тюбингенская школа, Дарвин, Маркс, Спенсер и Чернышевский (Эрн 1915в:22, 24, Розанов 1915:174, 177, Розанов 1916а:32, Булгаков 1914в:111, 1915а:25, 1915б).

Религиозный фундамент европейской цивилизации и истории был забыт и на его место поставили феноменализм, материализм, рационализм, позитивизм и нерелигиозный гуманизм. Современный человек надеется не на Бога, а на науки и постоянный прогресс. Эта вера в собственные силы человека была выражением надменности — *hybris* — и человекобожия. (Иванов 1914:100, Эрн 1915е, Булгаков 1915б, 1917:2.)

Среди людей распространилось губительное чувство стабильности и комфорта: «Казалось слишком хорошо, слишком прочно и благополучно устроились люди на земле, и все ненужное становится им небо» (Булгаков 1914а; см. также 1915а:3-9). Как отмечал уже А. И. Герцен, в Европе победил мещанский дух. В ней господствовали сытость, эгоизм и «привязанность к местному, ограниченному, материальному, своекорыстному» (Булгаков 1914а; см. также 1915а:38-42, Бердяев 1914ж). Настоящему неославянофилу такая атмосфера казалась душной. Сильнее других страдал Булгаков, который признал, что ему уже давно стало страшно от современной Европы и что он перестал туда ездить: «... мистическую жуть на меня нагоняло европейское чувство жизни» (1915а:9). В глазах неославянофилов это была духовная смерть, более страшная, чем физическая смерть на войне (Бердяев 1914ж, Эрн 1915в:65).

На фоне этого война была воспринята как «бич Божий» (Булгаков 1915а:27). «Лживый европейский мир и не менее лживый европейский мир обречены на этот огонь», — писал Бердяев (1914а). Война наглядно изобличила ложь беззаботной, самодовольной мещанской жизни. Сейчас платили кровью за позитивизм и за прогресс, односторонне основанный на знании. (Булгаков 1915а:25, Бердяев 1914ж, Розанов 1915:55, Гершензон 1916а.)

Диагноз относился ко всей европейской цивилизации. Но в таком случае, почему не вся Европа объединилась против России? Вопрос широко обсуждался. Были и те, кто считал, что неославянофильство именно тут потерпело решающий крах (Франк 1914:129, 1915а:4). На самом деле проблема была только мнимая. Славянофильство основывалось на дихотомии «Восток — Запад». В сущности, это были не географические термины, а принципы, противостоящие друг другу, — это духовность и материализм, христианское смирение и надменность, высокая миссия в будущем и гибель.⁷ Когда И. В. Киреевский характеризовал Россию и европейские нации как общества различных типов, он имел в виду «контраст между христианским обществом и обществом, основанным на рационализме» (Wa-

licki 1975:168). Но борьба между истинным христианством и рационализмом шла также внутри всех отдельных наций, и славянофилы в этом вопросе были готовы признать существование различий внутри Европы.

Славянофилы говорили о двух ликах Европы. Они знали не только «гниение Запада» но и, выражаясь словами Хомякова, «страну святых чудес» (Эрн 1915а:21-22). Мировая война показала, что «святые чудеса» еще существовали. Часть Европы еще осталась духовно живой. «Грех и не время теперь говорить о Западе, погрязшем в феноменализме; жертвенная готовность воюющих ныне народов — акт высочайшего религиозного идеализма», — утверждал Гершензон (1915а).

Во Франции, Англии и Бельгии, то есть в странах-союзниках России, секуляризация на самом деле еще не успела тронуть центральные органы, и народы этих стран сохранили в глубине связь с «истинно-Сущим». Это была Европа, которая считала себя материалистической, но которая в момент катастрофы оказалась идеалистической и верующей. (Эрн 1915а:20, 1915б, Гершензон 1915а.) «Феноменологическая Европа», перед которой поклонялись западники, гибла на войне, но на ее месте появилась «онтологическая Европа», христианская, средневековая. Эта была Европа, которую любили и славянофилы. (Булгаков 1915а:46, Эрн 1915а:24, 1915д:20, 1915е.)

Если это была «благая весть» войны, то ее великой трагедией являлась Германия. Немецкая нация последовательнее других шла по магистрали европейского развития. Именно там бунт человека против Бога принял самые вызывающие формы. Объяснения этому можно было найти в протестантизме. (Эрн 1915в:61.)

Славянофилы исходили из того, что в историческом антагонизме православие противостоит католицизму, протестантизму и исламу вместе взятым (Riasanovsky 1952:85). Православие осталось верным истинным христианским принципам, между тем как и католицизм и протестантизм глубоко пронизаны рационализмом. Если приходилось выбирать между ними, то обычно отдавали предпочтение протестантизму.

Во время мировой войны православная Россия воевала в союзе с католической Францией против протестантской Германии. Ситуация заставила философов пересматривать старые концепции. Удобно было сослаться на В. С. Соловьева, который, как известно, испытывал сильное влечение к католицизму и даже мечтал о воссоединении двух церквей. Первым шагом к этому был бы «акт церковного взаимопризнания» (Эрн 1915в:58). Все, в конце концов, сошлись на том, что отрицательная позиция славянофилов по отношению к католицизму была ошибкой (Бердяев 1914д, 1915а).

Отношение к протестантизму претерпело соответствующие изменения, но в отрицательном направлении. Лютер, Цвингли и Кальвин были резонерами, лишены всякого чувства святости, и поэтому реформация очеловечила и секуляризовала религию. (Розанов 1915:77-78, Франк 1915б:12, Булгаков 1914в:110-111, 1917:2, Бердяев 1914е.) Христианство преврати-

лось в земное, практическое дело, в нерелигиозный гуманизм, без места для Христа, Божьей Матери и святых. Был только немецкий «Got», «чисто отвлеченное, чисто пантеистическое понятие». (Розанов 1915:150.)

В протестантизме религиозный инстинкт связывался с позитивистским миросозерцанием. Результатом этого было «идолопоклонство», то есть обожествление светских интересов и ценностей. (Франк 1914:130, 1915б:9.) Одним из кумиров немцев стал принцип организованности. Во всех сферах жизни — включая культуру — подчеркивали методичность и научность. Успехи в областях науки и культуры уже были не результатом гениальности, а чистой дисциплины труда. Внешний вид Германии был прекрасен, но плата была высока. Техника победила человеческий дух. (Булгаков 1914а, 1915а:25-26, Иванов 1915б, Бердяев 1914з.) Булгаков говорил о «l'homme machine» (человеке-машине), сформированном протестантизмом и материализмом (1914в:111-112).

Германия была также наиболее обмещанившейся страной (Булгаков 1915а:25). У ее жителей не хватало «скромности», главного христианского свойства. Зато они предавались смертным грехам «самоупоенности, самоуверенности, гордости, тщеславия» (Розанов 1915:152; см. также 1916а:58). Немцы преклонялись перед физической силой и земными богатствами.

Другим кумиром немцев было всеобъемлющее государство. В руках правительства люди механизировались и автоматизировались. Они превращались в «цемент и железо» в государственном устройстве. (Розанов 1915:160-161; см. также Бердяев 1914з, Франк 1915б:7.) Культура и образование составляли только поверхностный слой; на практике немцы были «ученые звери» и «варвары». Под «варваром» подразумевался известный духовный тип — «идолопоклонник», для которого все дозволено, если речь идет о благе собственного племени. Во имя национального эгоизма немец был готов пренебрегать всеми моральными и юридическими законами. (Розанов 1916а:11, Бердяев 1914а, Франк 1915б:10.)

Любая воюющая нация склонна к демонизации врага. В своем комментарии к докладам на собрании Религиозно-Философского Общества в октябре 1914 года Франк выразил тревогу по поводу таких тенденций в России. По своей сущности Германия и Россия не могли представлять злое и хорошее начала. Нельзя было отрицать фундамент национального существования Германии, а войну надо было вести во имя идеалов, соединяющих людей. Россия, по Франку, воевала не против национального духа Германии, а против «злого духа», который извне завоевал Германию. (1914:131, 1915а:4.)

Критика Франка на практике была бессцельна. Другие неославянофилы также заявили, что Россия воевала не против «сущности» германского народа, а только против ее дурной «модальности» (Эрн 1915в:48). Даже Эрн, который в своем нашумевшем докладе «От Канта до Круппа»⁸ провел прямую линию от феноменализма философа до милитаризма оружейного заводчика, в другой связи подчеркнул, что кроме немецкой «магистральной» суще-

ствовала и другая линия с такими представителями германской культуры, как Бах, Моцарт, Гете, Шиллер и Новалис. Страна Гете и Шиллера и теперешнее государство «крови и железа» были два различных феномена (Эрн 1915в:47-48, Розанов 1915:33, Булгаков 1915б).

Если эпоха Возрождения была роковым переломом в истории всей европейской цивилизации, то германский народ пережил другой кризис в 1870-е годы, когда возникла Германская империя. Из славянофилов Ю. Ф. Самарин дожил до этого времени, и его реакция предвосхитила неославянофильский анализ современной Германии. Самарину было глубоко печально видеть исчезновение «Германии философии» и возникновение «грубой, практичной и циничной германской державы» (Riasanovsky 1952:110). Неославянофилы тоже считали, что немцы именно в эти годы окончательно преодолели свои средние века, свой романтизм и свою метафизику и стали практически мыслящими людьми. Энергия направлялась в сторону национализма и милитаризма, и «народ мыслителей и поэтов» стал мечтать о мировом господстве с помощью насилия. Эта воинственность заставляла другие государства содержать армии и мешала всеобщему разоружению. (Иванов 1914:103, Бердяев 1914а, 1914в, Булгаков 1915б.)

Вся немецкая интеллигенция несла ответственность за развитие немецкого общества в последние десятилетия перед мировой войной. Химики, юристы, экономисты, социал-демократы, историки, антропологи, богословы, философы, писатели — все участвовали в разжигании милитаристского, нечеловеческого духа у немцев. (Эрн 1915а:11, Булгаков 1914а.) Общее сознание систематически подготавливалось к войне, от игры детей в «солдатики» до мобилизации науки (Франк 1914:125, 1916а:20). В результате этого Германия выставила в 1914 году армию с «автоматическими массами войска, превращенными в современный механизм, вооруженными совершенной техникой и в совершенстве дисциплированными» (Бердяев 1914з).

Во время мировой войны в России ходило множество слухов о жестокости врага. Неославянофилы охотно верили во все рассказы о «немецком зверстве».⁹ Они были глубоко возмущены по поводу событий в польском Калише и бельгийском Лёвене и использованием немцами удушливых газов и воздушных бомбардировок (Гершензон 1915в). Розанов распространил слух, что немцы отрубают руки у подростков в оккупированной Бельгии. С позволения кайзера Вильгельма немецкие солдаты насиловали полячек, чтобы смешивать польскую кровь с тевтонской и таким образом губить расу. Австрийские солдаты ставили себе защитную ограду из женщин и детей против русских пуль (Розанов 1915:186, 1916а:9, 34). Уже осенью 1914 года Бердяеву казалось, что собрано достаточно достоверных фактов зверства, чтобы можно было исключить немцев из состава «культурного христианского человечества» (Бердяев 1914е). К фактам, подтверждающим безбожность немцев, отнесли обстрел Реймского собора, превращение польских костелов в конюшни и использование престолов церквей в каче-

стве обеденных столов для солдат. (Розанов 1915:86, Иванов 1914:103, Эрн 1915в:61.)

Германской расе была присуща «исконная грубость», но теперь к ней добавились новые черты варварства, результаты ложного пути развития европейской цивилизации (Бердяев 1914з). Немецкое зверство проявилось не под влиянием моментального угара, а являлось теоретически обоснованным и систематическим (Франк 1915б:6, Гершензон 1915в). Среди главных разжигателей жестокости были Г. фон Трейчке и Ф. Ницше¹⁰, которые учили, что «Macht geht vor Recht» (Сила предшествует праву), сострадание — слабость, и жестокость дозволена, если она помогает достигнуть благ (Франк 1916б:13, Гершензон 1915в). Если какие-то элементарные понятия о чести и уважении к врагу господствовали на прежних войнах, то с самого начала мировой войны немцы показали, что хотели победить во что бы то ни стало — «честно или нечестно, по-человечески или по-звериному [...]» (Гершензон 1915д).

Русский характер являлся полной противоположностью германскому. Для славянофилов русские были «Христоносцами», единственным народом, который даже в повседневной жизни осуществлял христианские принципы (Riasanovsky 1952:75). Неославянофилы продолжали эту линию. Булгаков говорил о «мистической красоте» русской души, свидетельствующей о священной избранности (1914в:115). Основными чертами русского характера были «скромность» и «простота», два слова, известные уже из основного лексикона славянофилов. Другими существенными чертами были кротость, смирение, жалость, дух благородства, самоотверженность и «дух скитальчества» (то есть противоположность мещанству). Эрн выделил «всечеловечность», известное понятие из Пушкинской речи Достоевского (Эрн 1915а:7).

Как «приспособить» такие положительные черты, как смирение и сострадание, к солдату на войне? Гордиев узел можно было разрубить посредством отрицания неприятных фактов. Розанов высмеял тех представителей русской интеллигенции, которые боялись, что и русские солдаты могут заразиться немецкой жестокостью (1916а:20). Эрн назвал всякую самокритику «ненужными рыданиями». Он считал, что все новости с фронта свидетельствовали о том, что никаких разрушительных тенденций не было в русской армии. Щадили памятники и церкви, даже в тех ситуациях, когда враг использовал их для обстрела местности. Эрн отвергал как фальшивые свидетельства из оккупированной Галиции о насильственном обращении местных униатов в православие русской администрацией.¹¹ (Эрн 1915в:18, 76-83.)

Иными словами, русские показывали свое моральное превосходство и на войне. Иначе и не могло быть. Бердяев писал, что «природная доброта русского солдата уже противостоит зверству солдата немецкого», Розанов говорил о «нравственном внушении», Эрн о внутреннем нерасположении, препятствовавшем русским причинять зло беззащитному гражданскому

населению (Бердяев 1914б, Розанов 1916а:21, Эрн 1915в:79). Кроткий русский солдат даже не умел ненавидеть. Один из источников информации Розанова, фронтовой священник, рассказал, что солдаты совершали только маленькие грехи на фронте. Он был поражен их восхищенными лицами, ясными глазами и невинными взглядами. (Розанов 1915:188, 1916а:16-20.)

Русская армия была и теперь «христолюбивым воинством» (Розанов 1916а:11-13, Эрн 1915в:34). В противоположность немецкой армии, которая представляла физическую силу, русская армия была прежде всего духовной силой (Бердяев 1914г, Эрн 1915в:6, Булгаков 1915а:44).

Россия и в национальном плане также представляла истинные христианские принципы. Уже славянофилы подчеркивали, что славянская идея жертвенна и что ей чужда мечта о земных благах. Бердяев подтвердил, что русский народ бескорыстный и жертвенный, свободный от «соблазна власти» (1914а). Мысль «Russland über alles» (Россия превыше всего) была для него кошуном. Не было стремления к гегемонии, а только желание быть народом среди других народов. Агрессивность и завоевательские инстинкты отсутствовали, зато идея мира всегда занимала видное место во внешней политике России. (Бердяев 1914б, Булгаков 1915б, Розанов 1916а:59.)

Рядом с возвышенным представлением о «смирности» и «неагрессивности» России, в неославянофильстве уживались также панславистские черты.¹² Отношение славянофильства к панславизму противоречиво. Обычно считают, что панслависты второй половины XIX века развивали только некоторые стороны славянофильства и пренебрегали другими, не менее существенными принципами. Для В. С. Соловьева панславизм значил деградацию славянофильства, преклонение перед внешним могуществом и военными победами в настоящем, а не перед мечтой о грядущей «Святой Руси». Политический консерватизм панславистов был тоже не в духе славянофильства. (Riasanovsky 1952:200-206.)

Однако понятие «славянство» играло важную роль в славянофильской идеологии. По Хомякову, славянские народы были призваны к всемирной роли только как часть славянства, и поэтому они должны были объединиться под руководством России (Riasanovsky 1952:201). Эта мысль стала опять актуальной в годы мировой войны. Неославянофилы с удовольствием получали новости об освобождении славянских братьев в австрийской части Галиции. Для Бердяева это и было одной из военных целей России (1915а). Другим поводом для радости было примирение с Польшей, «Иудой славянства».¹³ Враждебный славянофильский взгляд на католическую Польшу был признан как ошибка и грех, которые сейчас пришлось искупать.¹⁴ Эти события свидетельствовали о том, что новое единство славянства начало возникать под русской эгидой. Эту надежду не сумело погасить даже предательство Болгарии.¹⁵

Иванов, Бердяев и Гершензон надеялись на «грядущее, свободное и благодатное воссоединение славянства» (Иванов 1916а; см. также Бердяев

1914а, 1914б, Гершензон 1915а). Между этой мечтой и представлением об отсутствии у России гегемонических притязаний не видели конфликта. Воссоединение славянства было призывом, а не добровольно взятой на себя империалистической целью войны. Кроме того, оно являлось примером «соборности», то есть «союза и духовного общения, основанного на любви» (Иванов 1916б).

Одной из империалистических целей России в войне было завоевание Константинополя. Вопрос имел важные стратегические и торгово-политические аспекты, которые не были чужды неославянофилам. Однако важнее было символическое значение города. Булгаков представлял ортодоксальный взгляд на проблему, ссылаясь на Тютчева и Достоевского. Москва станет «третьим Римом» и Россия «новой Византией», когда русская армия войдет в город (1915а:56). Иванов и Бердяев поддержали другое высказывание Тютчева, связанное с Царьградом (неославянофилы предпочитали это древнерусское название города). Польша возродится, когда Царьград станет русским, и примирение России и Польши осуществится только в освобожденном Царьграде (Бердяев 1915а, Иванов 1914:105, 1916б).¹⁶

Эрн надеялся, что Константинополь станет новым окном России в Европу. Овладение городом помогло бы России освободиться от духовной и культурной зависимости от Германии и создало бы прямые контакты с Южной Европой. (1915ж, 1915з.) Русский Константинополь мог бы также служить делу будущего, — сближения Востока и Запада (Бердяев 1915в).

Панславизм являлся естественным, мирным призывом, зато «пангерманизм» был угрозой всему человечеству. Неославянофилы исходили из того, что в Германии мечтали о будущем периоде германской расы. Материальное и культурное господство над всем миром должно было осуществиться через завоевание и угнетение (Иванов 1914:101, Бердяев 1914а, 1914в). Немцы вдохновились биологическим расизмом, настоящей манией величия. Они считали себя «Ur-Volk» (пра-народом), для которого другие были только человеческим материалом (Булгаков 1915б; см. также 1917:13, Бердяев 1914в, Иванов 1914:106).

Самым великим препятствием для осуществления немецкого мирового господства было славянство. Главным конфликтом в мировой войне поэтому было столкновение между Германией и Россией: «Гордая, материальная, внешняя идея германская сталкивается с смиренной, духовной и внутренней идеей русской.» (Эрн 1915в:5.)

Уже для славянофилов аксиомой было то, что Запад презирает и ненавидит Россию и что он хочет ассимилировать и уничтожить славян (Riasanovsky 1952:62, 83-84). На мировой войне Германия мечтала о «германизации славянства». Германия хотела поглотить Россию и превратить славянские народы в слой удобрения для немецкой культуры (Бердяев 1914а, Иванов 1914:105).

Конфликт германцев и славян был глубоким и вечным. Еще в мирное время «германское нашествие» было успешно направлено против внутреннего организма России (Бердяев 1914а, 1914д, 1915б). Реформы Петра I были проявлением вынужденного искания русским духом внешних форм и жажды цивилизации. Одновременно они, однако, представляли большую опасность для России. Всему периоду вплоть до войны было присуще и внутреннее, и внешнее немецкое влияние. Экономически Россия уже стала немецкой колонией. Список служб в адресном каталоге свидетельствовал о влиянии немцев в повседневной жизни. Интеллектуальная жизнь в России также постепенно германизировалась через насильственное кормление немецкой культурой (Розанов 1915:41, Эрн 1915в:80, 90, Иванов 1914:104).¹⁷ По Бердяеву, почти все свои национальные прегрешения Россия получила от Германии. Все корни расового антисемитизма, политической реакции, национализма, империализма и насильнической русификации были немецкими (Бердяев 1914а, 1914б, 1914в). Самым ярким проявлением немецкого влияния в России была бюрократия (Булгаков 1914а).

Хотя Россия активно не участвовала в порочном европейском развитии, она тем не менее испытывала гипнотическое влияние Европы и особенно Германии (Гершензон 1915б, Булгаков 1914в:114). В связи с этим одной из задач, которые встали перед Россией в этой войне, было полное освобождение страны от немецкого влияния. Россия боролась за свое достоинство; война должна была положить конец самоунижению и низкопоклонству перед Германией. Тогда и «западническое идолопоклонство» окончательно потеряло бы опору в России. Вера в Запад, которая доминировала среди русской интеллигенции со времен Петра I, рухнула бы и на ее месте возникло бы «духовное возвращение на родину», к религии. (Булгаков 1914б, 1914а, 1915а:42.) Война, таким образом, означала конец петербургского периода русской истории (Булгаков 1914б, Бердяев 1914г, Иванов 1915а).

Но перед Россией стояла также более высокая освободительная задача. Она воевала за спасение всего культурного мира от германского духа с его милитаризмом и фальшивой культурой. В этом отношении война была «борьбой русской или общеевропейской совести с злом германизма» (Франк 1915б:1, Бердяев 1914а). Россия защищала национальную независимость и международный порядок от хищнического эгоизма Германии (Бердяев 1914в, Розанов 1915:24, Франк 1915б:2).

Военные цели России представлялись исключительно как идеалистические. Опять, как в 1812 году, на ее долю выпала бескорыстная жертвенная миссия. В войну Россия была вовлечена «Божьим Промыслом». Крест Христа лежал на ее плечах, но там тоже было начертано обещание «Сим победиши». (Бердяев 1914а, 1914ж, Розанов 1915:116, Эрн 1915в:66, Булгаков 1914б, Иванов 1914:98, 107.)

В сущности неославянофилы были охвачены тем же историческим оптимизмом, что и их предшественники. Всеми презренная, «варварская»

Россия спасет Европу от нее самой. Из побежденной вражеской страны должна возникнуть долготеранская Германия. За гибелью современной Германии следует общий европейский катарсис с результатом социального выздоровления и духовного возрождения. (Булгаков 1915а:43, 1914в:113, 1917:1, 9-13, Эрн 1915в:34.)

Конечный смысл войны — быть чистилищем европейской цивилизации. Она выносила приговор историческому периоду, который назывался «новым временем». Шла борьба между «истинно-христианской культурой» и «новым язычеством» (Франк 1915б:17). На войне искупался грех и родился новый взгляд на жизнь, — «мирочувствие эволюционно-мещанское» сменилось «религиозно-трагическим» (Булгаков 1915а:25, Розанов 1916а:55). Важным результатом войны должна быть именно победа религии: «На веки вечные вспомним, что мы живы только христианством и что жизнь наша струится только из церкви» (Розанов 1916а:38).

В этой связи роль России становилась решающей. «Теперь Россия призвана духовно вести европейские народы, на нее возложена страшная ответственность за духовные судьбы человечества», писал Булгаков (1914б). Война предоставила России не только возможность выйти на политическую и экономическую арену мира. Духовный центр истории должен был переместиться на восток. Расой будущего являлось на самом деле славянство, которое с Россией во главе должно было сыграть решающую роль в новую историческую эпоху (Булгаков 1917:23, 26, 1915а:57, Бердяев 1914з, 1915в, 1915е, 1915б:4-5).¹⁸ Германия вдохновлялась лже-мессианизмом, сутью которого было распространение ее «мещанской псевдокультуры» (Булгаков 1915а:26). Зато русский мессианизм был христианским.¹⁹ Россия была призвана вдохнуть новую религиозную жизнь в западный мир. Между тем как религиозные силы там заметно слабели, Россия имела огромный духовный потенциал (Бердяев 1914 г, 1914г, 19145б:29-31).

Русский народ остался свободным от «ученых веяний», которые превратили немца в варвара. Среди образованных классов развитие также шло под знаком «возврата к Отцу», к утверждению трансцендентизма. (Розанов 1916а:34, 61, Эрн 1915а:32.) Этот процесс являлся условием для того, чтобы Россия могла совершить свою историческую миссию: «Без Христа славянское чувство предназначенности на вселенский подвиг обращается в расовое притязание, внутреннее и несостоятельное [...]» (Иванов 1916б).

За наступающим славянским господством представлялось время, когда противопоставление Восток-Запад наконец будет окончательно преодоленным (Бердяев 1915и, 1915б:5, 28, 32). Это было важным положением как для Бердяева, так и для Булгакова. Оба критиковали славянофилов за то, что они слишком сильно подчеркивали антитезу России и Европы. На самом деле Россия, как показала война, была неотделимой частью духовного организма Европы. (Бердяев 1915б:32, Булгаков 1915а:28.) Благодаря войне идея всемирного братства человечества в духовном плане становится

ся ясной для всех. Как носительница «всемирного духа», сверхнационального универсализма и братства вне национальных государственных устройств, Россия должна и в этом последнем периоде мировой истории сыграть важную роль (Бердяев 1914в, 1915и, 1915з).

Война пробудила эсхатологические чувства. Но в то же время русская действительность поставила неославянофилов перед более конкретными вопросами. Россия стояла перед важным историческим выбором. Появилась возможность осуществить тот потенциал возрождения, который, по Хомякову, был у славян и особенно у русских. Но для того, чтобы уметь сказать миру свое «слово», Россия должна, однако, понять и усилить свою самобытность. (Булгаков 1914а, Гершензон 1915е:5, Бердяев 1914а.)

Что требовала война от России? Решение этого вопроса привело неославянофильский лагерь к расколу. Розанов проявлял непоколебимое национальное самодовольство, утверждая, что «Святая Русь» не утопия, а действительность (1915:122). Другие заявили, что только обновленная Россия могла решить судьбу Европы. Путем «подвига, очищения, жертвы» «Святая Русь» стала бы реальностью. (Эрн 1915а:26.) Внутренняя освободительная борьба, процесс раскаяния уже начались в русской душе. Знаком этого было, например, чувство единства и примирения, которое пробудила весть о войне. Тут воплотился в жизнь идеал «соборности». (Эрн 1915е, Иванов 1914:97.)

Бердяев не довольствовался оптимизмом своих сотоварищей, а требовал «самоочищения, самокритики, самообличения» (1915б:26). Для него вопросы о русском характере и отношении народа к государственности стали пробным камнем всего славянофильского возрождения. В первой половине 1915 года он полемизировал с Розановым, Булгаковым, Эрном и Ивановым в ряде статей, в которых он старался показать, что они хотели реставрировать устарелые и даже вредные стороны славянофильства.²⁰

Для Бердяева «Святая Русь» была не кумиром, а идеалом и задачей, которая еще ждала своего решения. То, что он ценил в России, были пророческие и апокалиптические настроения и жажда абсолютного. Он прославлял ищущую Россию, а не самодовольную «Русь Святую». (Бердяев 1915з, 1915б:34-35.)

Бердяев разделял мнение неославянофилов о духовной самобытности России и ее мессианской роли в мировой истории. Одновременно он беспощаднее других критиковал современную Россию и русский народ. Он нашел в стихотворении Соловьева «Ex Oriente Lux» (1890) подходящую формулировку выбора, перед которым Россия стояла из-за войны: «Каким же ты хочешь быть Востоком: / Востоком Ксеркса или Христа?»

Россия включала в себя два противоположных начала. Ее будущее зависело от выбора одного из них. Извне ее нельзя было победить, только изнутри, с «Востока Ксеркса». Эту опасность обсуждал не только Бердяев, но и Булгаков и Франк, которые после неудач летом 1915 года тоже льнули к соловьевскому

образу раздвоенной России. «Восток Ксеркса» предполагал, по мнению Булгакова, «безличность, безответственность, инстинктивность» (1917:18) и по Франку, — «Россию темных сил произвола и злобы, распущенности и лени, нравственной безответственности господ и нравственной безответственности рабов» (Франк 1915б:18).

Почти как синонимы «Востока Ксеркса» и «Востока Христа» Бердяев употреблял термины «женственное и мужское начала». Женственное начало означало пассивность и покорность, мужское же активное творчество и чувство ответственности. Трагедия русского народа заключалась в слишком доминирующей роли женственного начала в его жизни. Мужского начала ждали извне. Это объяснило легкость, с которой Запад и особенно Германия могли в мирное время «завоевывать» Россию. Сейчас надо было закалять русский характер, усиливая мужское начало, искать силы в себе самих. Будущее России зависело, по мнению Бердяева, от личности, ее активности и воли. Если бы война не стала продолжительной, она могла бы содействовать развитию в этом направлении. (1915г, 1915б:24, 1914а.)

Бердяев видел в Розанове человека, представляющего отрицательные черты русского характера. В своей книге «Война 1914 года и русское возрождение» (1915) Розанов рассказал об одном эпизоде начала века. Вид полка марширующих солдат возбудил в нем неотразимое чувство смирения. Он чувствовал себя, как «женщина перед мужчиной». Розанов осознал, что в подчинении силе и могуществу есть прелесть: «Суть армии, что она всех нас превращает в женщин, слабых, трепещущих, обнимающих воздух...» (Розанов 1915:233-34.)

Для Бердяева это была «розановщина» (1915е), — «вечный русский соблазн покорности и растворения, отдания себя чужой воле» (1915и). Это было квинтэссенцией подобострастия, даже не «вечно-женственным», а скорее «вечно-бабьим» в русской душе (1915е). Пассивность и покорность, по Бердяеву, были неславянскими добродетелями, а слабостями, от которых надо было избавляться. Особенно роковыми эти черты были в отношении личности к государству и государственности. Для Бердяева государственная власть была не трансцендентным, религиозно санкционированным, а человеческим началом. Она должна быть выражением народной воли, а не рассматриваться, как было в России, как чужая сила, данная извне. Для славянофилов и их «эпигонов» XX века государство было именно внешним началом, «они», а не «мы», и отношение к государственной власти было пассивное и покорное. (1915е, 1915и, 1915з.)

В ситуации, когда необходимость в политических и социальных реформах в России становилась все более очевидной, либеральный Бердяев не мог не отталкиваться от консервативного крыла неославянофилов.²¹ В отличие от других, он на второй год войны стал интересоваться злободневными политическими вопросами, отдаляясь от неославянофильских идей 1914 года.

В начале войны среди неославянофилов господствовала уверенность в том, что «правда» и «право» автоматически приведут к победе. Полагаясь на моральную и духовную силу русского солдата, они относились с пренебрежением к материальной стороне войны. Эрн назвал русскую армию «живым серым гранитом». Солдаты не были подчинены обыкновенным физическим законам, их сила основана не на дисциплине или хорошем снабжении, а на «народном духе». (1915а:43.) Если бы только Россия осталась верной своему назначению, своему «вселенскому началу», то «нерушимая Стена, вселенская Матерь Светов», ограждала бы ее, писал Иванов (1914:99).

Военные поражения летом 1915 года, разоблачение хаотического состояния военной промышленности и неспособности бюрократии управлять страной вели к перемене настроений. Война, которая должна была подтвердить духовное величие и историческую избранность России, вскрыла на самом деле ее роковые слабости и угрожала ее государственной основе.

Для неославянофильства ситуация означала еще один кризис. У Франка и Гершензона можно видеть, как невольно возникает любование перед немецкой силой. Начали возникать вопросы, не должна ли Россия на самом деле учиться у Германии организационной способности и коллективной дисциплинированности (Гершензон 1916б). Категорический императив Канта теперь стал положительным явлением. Это выражение немецкого национального духа, писал Франк, возбуждающее чувство долга, преодолевающее слабость и пробуждающее веру в собственное дело и ответственность перед государством. Все это давало внешнюю силу Германии, и, чтобы победить на войне, Россия должна была перенять эти черты. (Франк 1915б:17.)

В противоположность этим ревизионистам, Иванов, Розанов и Булгаков настойчиво придерживались истинных славянофильских концепций. Иванов предупреждал, что Россия в борьбе против германства могла отравиться «злейшим из ядов, обращающихся в его больном теле», т.е. «организацией» (1916а). Казалось, что военный опыт доказал, что хорошая организация — условие победы, но в то же время существовала опасность превеличения сил врага и прививания его ложных идеалов в России. Иванов считал, что в Германии организация была не только практическим правилом, но мерилom всего: «Их организация есть возврат в дочеловеческий период, высшая форма дочеловеческого природного организма» (1916а). Этому Иванов еще раз противопоставил идею «соборности», основы русской сплоченности.

Булгаков и Розанов были еще менее склонны к пересмотру славянофильских идей. По мнению Булгакова, Россия ни при каких обстоятельствах не могла соревноваться с Германией, когда речь шла о технике. Это противоречило русскому характеру, а насильственное привнесение немецких черт могло привести к потере источника силы, — духовной основы. Против немецкой армии Россия должна и сейчас поставить «свет и святыни души народной, “Святую Русь”» (1915б). Розанов напоминал об ограни-

ченных силах человека и опять утверждал, что скромность должна быть основой его жизни (1916а:58). Перед растущей немецкой угрозой Розанов настаивал: «Будем скромны, не самонадеянны, просты. И Господь нас убеждает и спасет». (1916а:61.)

Казалось, что Октябрьская революция и Брестский мир привели славянофильское возрождение к окончательному поражению. Весной 1918 года Булгаков иронизировал над неославянофильскими мечтами в своей статье «На пиру богов». Не обращая внимания на реальную действительность, неославянофилы создали химеры об освободительных задачах и мессианском призвании России, о Царьграде и византийском наследии. Не принимая непосредственного участия в военных действиях, они создали «апофеоз мировой бойне». Они обожествляли народ и говорили от его имени, называя солдат «крестоносцами». Но теперь русский народ повернулся спиной к христианству, а солдаты оказались «темными, некультурными людьми», неспособными справиться с большими задачами. Германия, которую называли варварской, победила, и силу она получила от протестантизма, осужденного неославянофилами. В России война рождала не новую византийскую, а большевистскую эпоху.

Это звучало как самокритика, но было ли это в действительности так? Статья «На пиру богов» построена как философская беседа между Общественным деятелем, Боевым генералом, Дипломатом, Беженцем, Известным писателем и Светским богословом. За язвительную критику неославянофильства отвечает Дипломат, который хочет внести в Россию республиканский парламентаризм. Сомнительность позиции Дипломата становится ясной тогда, когда он один молчит, а другие заключают беседу пасхальным приветствием: «Христос воскрес! — «Воистину воскрес Христос!» (1967:169).

Ближе к самому Булгакову стоят Известный писатель и Светский богослов: об этом говорит сходство их реплик с высказываниями самого Булгакова, отмеченными в его статьях. Писатель настаивает на своих славянофильских убеждениях 1914 года и предпочитает критиковать русский народ. Россия еще раз оказалась недостойной, изменяя своему историческому призванию. Но писатель не потерял надежду. Согласно его мнению, сейчас идет борьба в душе русского народа. Новую силу он получит от религии. Светский богослов поддерживает его, ссылаясь на происходящий в то время процесс обновления в православной церкви. Отделение церкви от государства и собравшийся Собор со своим «хомяковским духом» были важным этапом, с его точки зрения.

На шестьдесят лет раньше, после поражения в Крымской войне, славянофилы остались с неоправдавшимися надеждами. Критика была направлена против русского народа, который оказался и тогда недостойным и неподготовленным к своей миссии. Только смирение и стремление к возрождению могли спасти Россию. (Устрялов 1916:20-21.) Из неудач назревала

новая надежда. Сейчас история повторила себя. Голосом автора говорит Известный писатель в статье «На пиру богов»: «Но верю, как и прежде, что через русский народ придет спасение миру, что ему принадлежит не только великое будущее, но и решающее слово в судьбах мира» (Булгаков 1967:138).

¹ См., например, М. Гершензон, «История молодой России» (1908), «Исторические записки» (1910) и «Образы прошлого» (1912), Н. Л. Бродский, «Ранние славянофилы» (1910), Николай Бердяев, «Алексей Степанович Хомяков» (1912) и Павел Флоренский, «Около Хомякова» (1916). Согласно мнению Эрн (1915в:102), славянофильская позиция была заметна до войны у Вячеслава Иванова («По звездам», 1908), Сергея Булгакова («Два града» 1-2, 1911) и в его собственных книгах «Борьба за Логос» (1911) и «Григорий Саввич Сковорода» (1912). Булгаков ссылался на свою статью «Три идеи» (Русская Мысль 2, 1913, с. 142-149), как доказательство его довоенных славянофильских увлечений.

² К термину «неославянофильство» ученые относились по-разному. Польский историк философии Анджей Валицки употребляет его в связи с В. Соловьевым и называет Бердяева, Булгакова, Франка и Гершензона представителями «соловьевского неославянофильского движения» (Walicki 1975:578). Русско-американский историк Николай Рязановский предвосхищает настоящую работу, указывая мимоходом на первую мировую войну как источник славянофильского возрождения: «Первая мировая война подчеркнула контраст между Россией и Западом, между православной религиозной мыслью и немецкой философией, который был одним из основных мотивов славянофильской идеологии < . . . >» (Riasanovsky 1952:207-208). «Неославянофилом» Рязановский называет Владимира Эрн. Термин, однако, не укоренился. Югта Шеррер, специалист по московским и петербургским Религиозно-Философским Обществам начала века, отбрасывает его, считая, что он создан современной радикальной и либеральной интеллигенцией в полемических целях (Schetter 1973:13, 355).

³ Из названных выше имен Эрн и Розанов безоговорочно одобрили свою роль учеников славянофилов. Как и Эрн, Розанов рассматривал события и настроения первого месяца войны как подтверждение теории славянофильства. После долгих лет западничества и нигилизма Россия сейчас выбрала славянофильский путь развития (Розанов 1915:68-69). У Иванова и Булгакова были свои возражения, но оба в конце концов подтвердили, что они принимают сущность славянофильства. Для Иванова это была вера в «Святую Русь» (1915а), для Булгакова убеждение, что Россия была призвана к духовной самобытности (1915а:28).

⁴ К этим именам можно было еще добавить С. М. Соловьева, племянника знаменитого философа и писателя. Война имела и для него прежде всего духовный смысл (1916:112-113). Он ее воспринимал как следствие разрыва с христианством (1916:115, 120-121). Анализ Соловьева относительно истории Германии тоже близок к неославянофильству. Но по другим вопросам взгляды Соловьева отличались от неославянофильских. Об этом свидетельствует, например, его толкование понятия «Святая Русь» (1916:124), а также его влечение к западному христианству, католицизму. Кроме того, эсхатологическая сторона в работах Соловьева была не до конца развита.

⁵ Доклады были собраны в «Русской Мысли» (12, 1914), вместе с «программной декларацией» Франка. Трубецкого и Рачинского нельзя безоговорочно причислить к неославянофилам, несмотря на некоторые точки соприкосновения. Таковыми являются анализ

развития Германии за последние десятилетия до войны у Рачинского и интерес Трубецкого к Константинополю.

⁶ Розанов с одобрением цитировал высказывание о том, что война являлась «светлым праздником» (1915:141). Эрн в декабре 1914 года констатировал, что человечество давно не встречало Рождество «более достойно, более свято», чем в год войны (1915в:64). Булгаков радовался началу войны, считая, что «правая война святее постыдного, трусливого мира» (1914б). Бердяев назвал войну «провиденциально неизбежной» (1914а) и «великой и справедливой» (1914ж). Более колеблющимся был Франк. Без радости он принял войну прежде всего как оборонительную, навязанную России. Но и он, в конце концов, согласился с тем, что война ведется во имя высоких целей (1914:125-26). Бердяеву с самого начала было трудно определить свое отношение к войне. В своей первой статье по поводу войны под названием «Война и возрождение» (1914а) он явно «славянофильствовал», но одновременно при встрече с другими славянофильски настроенными философами у себя дома он резко критиковал Эрна за его восторг перед событиями. Прославление войны он сравнивал с прославлением убийства. (Lowie 1960:118.)

В январе 1915 года внутренний конфликт Бердяева опять обострился, когда он напомнил Розанову и другим «эпигонам славянофильства» о трагической и страшной сущности войны: «Кабинетное, идеологическое обоготворение стихии войны и литературное прославление войны, как спасательницы от всех бед и зол, нравственно неприятно и религиозно недопустимо» (1915е). Те, кто занимался этим, были «духовными вампирами». Такие вспышки, однако, не мешали Бердяеву продолжать свою собственную публицистическую деятельность в защиту войны.

⁷ Франк сам хотел заменить противопоставление «Восток — Запад» абстрактными принципами: «Война идет не между Востоком и Западом, а между защитниками права и защитниками силы, между хранителями святынь общечеловеческого духа — в том числе и истинных вкладов в него германского гения — и его хулителями и разрушителями» (1914:132).

⁸ Доклад Эрна критиковали, но были и защитники. Так, Франк, Булгаков и Иванов согласились с Эрном, что и Кант отчасти отвечал за гибельное развитие Германии (Франк 1914:130, 1915б:16-17, Булгаков 1915а:12-13, 1915б, Иванов 1916б).

⁹ В отличие от других, Франк подчеркнул, что клевета врага скомпрометирует идеи, во имя которых Россия воевала. Он считал, что национальная гордыня и злоба возрастают, если не видеть положительных качеств противника. Но одновременно он сам безоговорочно верил слухам о немецких зверствах в Польше и Бельгии. (1915б:1-6.)

¹⁰ Бердяев, однако, защищал Ницше: «Все, что любит современная Германия, — государство, промышленное преуспевание, механическую цивилизацию, нивелировку, организацию масс, дисциплину масс, — все ненавистно Заратустре.» Ницше прославил «творческую индивидуальность», а не «прусское юнкерство — стадо, толпу». (1915г.)

¹¹ Бердяев был лучше осведомлен в этом вопросе. В марте 1915 года он писал об униатах Галиции, что единственное христианское решение их положения — это «бесстрашное утверждение свободы совести, свободы религиозной жизни» (1915ж).

¹² Франку и Булгакову идея панславизма была чужда.

¹³ Выражение «Иуда славянства» взято из стихотворения Федора Тютчева «Славянам» («Привет вам душевный, братья . . .») (1867), но с ним согласился также, например, И. С. Аксаков (Riasanovsky 1952:85).

¹⁴ При этом неославянофилы, несмотря на свой положительный взгляд на Польшу, всегда исходили из того, что объединенная Польша будет соединена с Россией (см., напр., Бердяев 1914д).

¹⁵ Особенно Эрн посвятил Болгарии горькие строки (1914а).

¹⁶ Андрей Белый в 1918 году вернулся к этой мысли, спрашивая, почему, по Иванову, Россия и Польша должны мириться именно в Константинополе: «Для примирения в Царьграде нужны ему [Иванову, БХ] миллионы загубленных жизней; ужасно славянство, если его "вселенская миссия" преодолет свои поместные споры не где-нибудь, а в ... Царьграде ("пусть для этого гибнут десятки и сотни тысяч людей").» (1922:23.)

¹⁷ Среди славянофилов были и те, кто искал разрушающие элементы, «внутренних врагов», в России. И. Ф. Самарин обратил внимание на балтийских немцев, часть населения России, которая тоже в первую мировую войну оказалась атакованной (Riasanovsky 1952:85-87). Неославянофилам эта травля была чужда, так же, как и антисемитские настроения военных лет.

¹⁸ Гершензон критиковал славянофильство за «необоснованную идею о всемирно-историческом назначении России». Мессианизм был, по его мнению, слишком тяжелым «ярмом» для России. Одновременно и Гершензон исходил из того, что у России свой «лик» и своя судьба, и что европейское развитие не подходит России (1915б).

¹⁹ Неославянофилы не боялись слова «мессианизм», но они предпочитали другие выражения, как «мировое дело правды» (Бердяев 1914а), «русское призвание» (Булгаков 1914б) и «вселенское дело» (Иванов 1914:97).

²⁰ Дискуссия началась со статьи Бердяева «О "вечно-бабьем" в русской душе» (1915е) и продолжалась в статьях «Налет Валькирий» Эрна (1915г), «Эпигонам славянофильства» Бердяева (1915и), «Живое предание» Иванова (1915а) и «Омертвевшее предание» Бердяева (1915з).

²¹ Сюда можно считать Булгакова и Розанова, которые открыто поддерживали самодержавие. В начале войны Булгаков радовался сближению Царя и его подданных: «Ныне, в этот брачный час Царя с народом, почувствовалось, что Царь есть сердце народное, уста народные, совесть народная» (Булгаков 1914б, 1914:115).

ЛИТЕРАТУРА

- Белый 1922 Белый, Андрей. *Сирин ученого варварства. По поводу книги В. Иванова «Родное и вселенское»*. Берлин.
- Бердяев 1912 Бердяев, Николай. *Алексей Степанович Хомяков*. М.
- Бердяев 1914а Бердяев, Николай. Война и возрождение. *Утро России* 1914, № 12, 17 авг.
- Бердяев 1914б Бердяев, Николай. Война и национальное самосознание. *Биржевые Ведомости* 1914, № 14422, 9 окт.
- Бердяев 1914в Бердяев, Николай. Империализм священный и империализм буржуазный. *Биржевые Ведомости* 1914, № 14476, 5 нояб.
- Бердяев 1914г Бердяев, Николай. О дремлющих силах человека. К психологии войны. *Утро России* 1914, № 272, 5 нояб.
- Бердяев 1914д Бердяев, Николай. Россия и Польша. *Биржевые Ведомости* 1914, № 14424, 10 окт.
- Бердяев 1914е Бердяев, Николай. Современная Германия. *Утро России* 1914, № 25519 окт.
- Бердяев 1914ж Бердяев, Николай. Судьба Парижа. *Биржевые Ведомости* 1914, № 14510, 22 нояб.
- Бердяев 1914з Бердяев, Николай. Футуризм на войне. *Биржевые Ведомости* 1914, № 14456, 26 окт.

- Бердяев 1915а Бердяев, Николай. Германия, Польша и Константинополь. *Биржевые Ведомости* 1915, № 14855, 21 мая.
- Бердяев 1915б Бердяев, Николай. *Душа России*. М.
- Бердяев 1915в Бердяев, Николай. Конец Европы. *Биржевые Ведомости* 1915, № 14899, 12 июня.
- Бердяев 1915г Бердяев, Николай. Ницше и современная Германия. *Биржевые Ведомости* 1915, № 14650, 4 февр.
- Бердяев 1915д Бердяев, Николай. Новая Россия. *Биржевые Ведомости* 1915, № 14628, 23 янв.
- Бердяев 1915е Бердяев, Николай. О «вечно-бабьем» в русской душе. *Биржевые Ведомости* 1915, №№ 14610, 14612, 14-15 янв.
- Бердяев 1915ж Бердяев, Николай. О дарящих и отнимающих. К спору о национальном вопросе. *Биржевые Ведомости* 1915, № 14720, 11 марта.
- Бердяев 1915з Бердяев, Николай. Омертвевшее предание. *Биржевые Ведомости* 1915, № 14771, 8 апр.
- Бердяев 1915и Бердяев, Николай. Эпигонам славянофильства. *Биржевые Ведомости* 1915, № 14678, 18 февр.
- Бродский 1910 Бродский, Н. Л. *Ранние славянофилы*. М.
- Булгаков 1911 Булгаков, Сергей. *Два града* 1-2. М.
- Булгаков 1913 Булгаков, Сергей. Три идеи. *Русская Мысль* 2, 142-149.
- Булгаков 1914а Булгаков, Сергей. Поверженный кумир. *Утро России* 1914, № 205, 30 авг.
- Булгаков 1914б Булгаков, Сергей. Родине. *Утро России* 1914, № 181, 5 авг.
- Булгаков 1914в Булгаков, Сергей. Русские думы. *Русская Мысль* 12:II, 108-115.
- Булгаков 1915а Булгаков, Сергей. *Война и русское самосознание. Публичная лекция*. М.
- Булгаков 1915б Булгаков, Сергей. Кольцо Нибелунгов. Из размышлений о германизме. *Биржевые Ведомости* 1915, № 15059, 31 авг. Также под назв. Три империи. В кн.: *Великая война в образах и картинах*. М. 1916. С. 50-56.
- Булгаков 1917 Булгаков, Сергей. Человечность против человекобожия. Историческое оправдание англо-русского сближения. *Русская Мысль* 5-6:II, 1-32.
- Булгаков 1918 Булгаков, Сергей. На пиру богов. В кн.: *Из глубины. Сборник статей о русской революции*. Париж 1967 (reprint), 107-170.
- Гершензон 1908 Гершензон, М. *История молодой России*. М.
- Гершензон 1910 Гершензон, М. *Исторические записки*. М.
- Гершензон 1912 Гершензон, М. *Образы прошлого*. М.
- Гершензон 1915а Гершензон, М. Второй год войны. *Биржевые Ведомости* 1915, № 14931, 28 июня.
- Гершензон 1915б Гершензон, М. Два пути. *Биржевые Ведомости* 1915, № 15065, 3 сент.
- Гершензон 1915в Гершензон, М. Жестокости немцев. *Биржевые Ведомости* 1915, № 14969, 17 июля.
- Гершензон 1915г Гершензон, М. Круговая порука. *Биржевые Ведомости* 1915, № 14949, 7 июля.
- Гершензон 1915д Гершензон, М. Турнир и война. *Биржевые Ведомости* 1915, № 14903, 14 июня.
- Гершензон 1915е Гершензон, М. Урок войны. *Отечество* 1, 3-5.
- Гершензон 1916а Гершензон, М. Религия прогресса. *Биржевые Ведомости* 1916, № 15543, 7 мая.

- Гершензон 1916б Гершензон, М. Школа самосознания. *Биржевые Ведомости* 1916, № 15464, 26 марта.
- Иванов 1908 Иванов, Вячеслав. *По звездам*. СПб.
- Иванов 1914 Иванов, Вячеслав. Вселенское дело. *Русская Мысль* 12:II, 97-107.
- Иванов 1915а Иванов, Вячеслав. Живое предание. Ответ Н. А. Бердяеву. *Биржевые Ведомости* 1915, № 14734, 18 марта.
- Иванов 1915б Иванов, Вячеслав. Россия, Англия и Азия. *Биржевые Ведомости* 1915, № 15277, 18 дек.
- Иванов 1916а Иванов, Вячеслав. Легион и соборность. *Утро России* 1916, № 58, 27 февр.
- Иванов 1916б Иванов, Вячеслав. Польский мессианизм, как живая сила. *Утро России* 1916, № 82, 22 марта.
- ИМ 1914 И. М. Война и писатели. У Вячеслава Иванова. *Голос Москвы* 1914 № 277, 2 дек.
- РВ 1914 В Религиозно-Философском Обществе. *Русские Ведомости* 1914, № 230, 7 окт.
- Розанов 1915 Розанов, В. *Война 1914 года и русское возрождение*. Изд. второе. Пг.
- Розанов 1916а Розанов, В. *В чадю войны*. Пг-М.
- Розанов 1916б Розанов, В. К студентам. В кн.: *Молодая Русь. Студенческий сборник*. Пг, 4.
- Соловьев 1916 Соловьев, Сергей. *Богословские и критические очерки. Собрание статей и публичных лекций*. М.
- Устрялов 1916 Устрялов, Н. Национальная проблема у первых славянофилов. *Русская Мысль* 10:II, 1-22.
- Флоренский 1916 Флоренский, Павел. *Около Хомякова*. Сергиев Посад.
- Франк 1914 Франк, С. О поисках смысла войны. *Русская Мысль* 12:II, 125-132.
- Франк 1915а Франк, С. Идеиные влияния войны. *Отечество* 9, 2-4.
- Франк 1915б Франк, С. О духовной сущности Германии. *Русская Мысль* 10:II, 1-18.
- Франк 1916а Франк, С. Мобилизация мысли в Германии. *Русская Мысль* 9:III, 20-27.
- Франк 1916б Франк, С. Сила и право. *Русская Мысль* 1:III, 12-17.
- Эрн 1911 Эрн, В. *Борьба за Логос*. М.
- Эрн 1912 Эрн, В. *Григорий Саввич Сковорода*. М.
- Эрн 1914а Эрн, В. Несколько слов о балканских настроениях. *Новое Звено* 52, 12-13.
- Эрн 1914б Эрн, В. От Канга к Крупну. *Русская Мысль* 12:II, 116-124.
- Эрн 1915а Эрн, Владимир. *Время славянофильствует. Война, Германия, Европа и Россия*. М.
- Эрн 1915б Эрн, В. Германия и Европа. *Биржевые Ведомости* 1915, № 14933, 29 июня.
- Эрн 1915в Эрн, Владимир. *Меч и крест. Статьи о современных событиях*. М.
- Эрн 1915г Эрн, В. Налет Валкирий. Ответ Н. А. Бердяеву. *Биржевые Ведомости* 1915, № 14612, 30 янв.
- Эрн 1915д Эрн, В. Россия и Польша. *Новое Звено* 9-10, 19-21.
- Эрн 1915е Эрн, В. Святая Русь и Россия. *Биржевые Ведомости* 1915, № 14859, 23 мая.
- Эрн 1915ж Эрн, В. Царьград и англо-русское сближение. *Утро России* 1915, № 134, 17 мая.
- Эрн 1915з Эрн, В. Царьград и славяно-греческое Возрождение. *Утро России* 1915, № 88, 1 апр.

- Эрн 1916 Эрн, В. Возврат на Балканы. В кн.: *Великая война в образах и картинах*. М., 147-150.
- Lowrie 1960 Lowrie, Donald A. *Rebellious Prophet. A Life of Nicolai Berdyayev*. New York.
- Riasanovsky 1952 Riasanovsky, Nicholas. V. *Russia and the West in the Teaching of the Slavophiles. A Study of Romantic Ideology*. Cambridge, Massachusetts.
- Scherrer 1973 Scherrer, Jutta. *Die Petersburger Religiös-Philosophischen Vereinigungen. Die Entwicklung des religiösen Selbstverständnisses ihrer Intelligencija-Mitglieder (1901-1917). Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte. Osteuropa-Institut an der freien Universität Berlin. Historische Veröffentlichungen. Band 19*. Berlin.
- Soloviev 1959 Soloviev, Alexander V. *Holy Russia. The History of a Religious-Social Idea*. Musagetes XII. 'S-Gravenhage.
- Walicki 1975 Walicki, Andrzej. *The Slavophile Controversy. History of a Conservative Utopia in Nineteenth-Century Russian Thought*. Oxford.